

ставляется возможным, первоначально предполагается рассмотреть данный вопрос на частном примере Котласского историко-просветительского общественного движения краеведов «Северное трёхречье». Автор хорошо знаком с представителями этой организации, ибо с 2003 по 2007 гг. являлся заместителем председателя движения по научной работе, и донныне поддерживает контакты с местными краеведами. Поскольку «Северное трёхречье» является одним из сильнейших краеведческих объединений России [19, с. 5–33], то его достижения и недостатки вполне можно рассматривать как характерные для отечественного краеведческого движения в целом.

Первоначально следует дать обобщённый портрет местного краеведа: это социально активный человек преимущественно пожилого возраста, самой разнообразной профессиональной принадлежности, обычно с высшим образованием и склонностью к творческой работе, то есть достаточно типичный представитель провинциальной интеллигенции. Необходимо также отметить такие психологические черты не всех, но многих краеведов, как упрямство, амбициозность, болезненное самолюбие и развитое честолюбие. Зачастую в краеведение идут люди, не сумевшие полностью реализовать себя в ранее избранной профессии, но не желающие или не имеющие возможности получать второе образование. Краеведение представляется таким лицам вполне доступным способом повысить свой социальный статус. Интересно также, что многие из них являются уроженцами других регионов, сменившими адрес в результате вынужденного или добровольного переезда. Таким образом, краеведение становится одним из способов укорениться на «новой родине», проявив столь характерное для неофитов стремление стать «святее святых», то есть, в данном случае, продемонстрировать большие знания о местности, нежели имеющиеся у коренных жителей.

Отсутствие профессионального исторического образования приводит к мозаичности и эклектичности методологических воззрений краеведов, но в их творчестве всё же можно выделить ряд объединяющих и скрепляющих основ. Методология современного любительского краеведения стоит на «трёх китах»: это провинциализм, провиденциализм и негационизм. Поскольку провинциализм — термин многозначный, необходимо оговорить, что в данном случае под ним понимается методология, основанная на абсолютизации истории своего региона при игнорировании более широких исторических закономерностей. Провиденциализм — это рассмотрение исторических событий с точки зрения их предопределённости «свыше», божьей волей. Негационизм — разновидность исторического ревизиониз-

ма, при котором «новая» концепция строится на отрицании или игнорировании установленных наукой фактов. Теперь рассмотрим каждую из этих методологических составных подробнее.

Провинциализм является прямым следствием узости исторического кругозора. Занимаясь историческим краеведением, краеведы зачастую не считают обязательным знание отечественной истории, что отчётливо наблюдается в созданных ими текстах. Как, например, понять такую фразу: «В 1649 году уложением царя А. Михайловича Романова в Средней России разрешили продавать землю, что повлекло за собой крепостное право»? Или: «...лет четырёхста назад демократии в нашем государстве было гораздо больше, особенно при царе Борисе Годунове». Или: «мы жили при коммунизме, но не поняли, что это такое, ведь никто не знает, что такое коммунизм» [11, с. 115, 199; 12, с. 28].

Следствием чрезвычайно характерной для мировоззрения краеведов аберрации близости, когда события истории своего края кажутся им более значимыми, нежели события в других регионах, является постоянное стремление к преувеличениям. В качестве примера достаточно привести такой пассаж: «Котласский край. Много веков тому назад здесь обрело силу и расцвет русское государство, здесь складывалась и развивалась национальная культура» [28, с. 126]. Гиперболизации подвергается фактически любой объект исследования: так, небольшой котласский аэропорт характеризуется (вероятно, в пику железнодорожникам и речникам) как «крупнейший транспортный комплекс города и области» [16, с. 6]. Словно отголосок местнических споров приводятся весьма претенциозные версии появления местных фамилий: уж если Авакумовы признаются прямыми потомками знаменитого протопопа Аввакума, тогда Никоновы — «соратники патриарха Никона» [8, с. 74; 11, с. 86].

Обратной стороной провинциализма является исключительно широкий дилетантизм в истории, этнографии, географии, родном языке и культуре в целом. Краеведами искажаются имена как крупных исторических деятелей («Мао-Цзе-Дун»), так и местных авторитетных лиц («Миньков» вместо Минков, даже без указания инициалов) [12, с. 130, 239]. Кроме проявления неуважения к упомянутым людям, это означает отсутствие желания знакомиться и с научной литературой, и с трудами своих коллег-краеведов. Наряду с неграмотными историческими обобщениями краеведы совершают ошибки даже там, где им не должно быть равных — в деталях. Например, Комарицкая церковь причисляется к архитектурному стилю тотемского барокко на основании единственного элемента декора — картушей, причём

созданных явно не в тотемской художественной традиции; а полуколонны храма именуются пилястрами — на этот раз проявляется дилетантизм «всеядного» автора в архитектуре [25, с. 9–10, 16].

Попытки следовать географическим указаниям краеведов иной раз попросту заводят в тупик. Например, наряду с классической «школьной» ошибкой отождествления Датского пролива с Датскими проливами, встречается и такое: «...если провести прямую линию от Согры в сторону Франции, то другой конец линии будет на острове Кергелен» [11, с. 206; 12, с. 8]. Возникает закономерный вопрос: видел ли автор когда-нибудь глобус?

Краеведы не владеют даже основополагающей для них информацией об истории административно-территориального деления местного региона. Так, утверждается, что «с 1137 года Выйская волость ... относилась к Кеврольскому уезду» [10, с. 7], а ведь в то время ни волостей, ни уездов не существовало. Или: «...посёлок Лименда получил статус города и стал называться не затон Лименда, а город Котлас» [12, с. 101] (в реальности посёлок Лименда включён в состав города Котласа). Искажается и этническая карта региона: вогуличи (манси) и вымичи (коми) именуются «старославянскими племенами», коми-пермяков путают с коми-зырянами [22, с. 123; 26, с. 5].

И так практически по любому исследовательскому сюжету! Пример — краеведческие представления о военной истории начала XX в.: после русско-японской войны, случившейся «в 1904–1906 годах», вернувшиеся воины «не успели жениться», как началась Первая мировая война, в ходе которой «после применения газовой атаки войска генерала Брусилова... потерпели поражение», но поскольку «большевики... из-за границы вели большую разъяснительную работу среди солдат», те «пришли домой», где участвовали в боях против интервентов и «генерала Колчака» до тех пор, пока наконец в 1920 году «белые стали отступать, и вскоре был подписан мирный договор» [10, с. 31–32, 35, 40]. Комментарии излишни.

Другая основа методологии любительского краеведения — провиденциализм: устаревшая теория, возвращающая научное знание на уровень средневековья. Едва заходит речь о церкви и религии, как начинают допускаться столь характерные для краеведов преувеличения: например, утверждается, что православие в Устюжском у. существовало уже в XII в. (то есть когда здесь не было ни Устюга, ни Устюжского у., ни постоянного славянского населения); найденная икона конца XV в. объявляется «едва ли не самой древней из известных нам русских икон», написанной, разуме-

ется, на месте обнаружения; а известный в регионе архимандрит Модест именуется «великим человеком» [14, с. 80; 25, с. 5, 52, 55].

Возвеличение роли церкви доходит до абсурда: оказывается, что «без церковного благословения невозможно было ни родиться, ни умереть» [26, с. 6]. До какой степени невежества опускаются мыслящие подобным образом краеведы, свидетельствует, например, такая формулировка цели исследования: «определить влияние Святой силы Туровца на набеги черемисов» [7, с. 265]. А ведь это пишут преподаватели техникума! Встречаются, впрочем, и вполне обыденные суеверия: так, пойманная старая щука становится предвестием кончины рыбака [9, с. 31].

Специфику провиденциального подхода к оценке достоверности информации характеризует, в частности, такое утверждение: «Сведения о явлении Божией Матери передаются из поколение в поколение местными верующими, поэтому нет основания им не верить» [15, с. 9]. Тем не менее наличествует и определённый методологический прогресс: иногда указывается, что событие совершилось «возможно», «видимо» или «скорее всего по воле Божией» [15, с. 12, 17, 79], то есть признаётся существование других закономерностей объективного либо субъективного свойства. Впрочем, в числе таковых иногда упоминаются козни дьявола [14, с. 46], а «господень перст» пытаются усмотреть даже в самых обыденных событиях: уж если в ночь на 21 декабря 1883 г. буря сорвала с церковной паперти крышу, то, «...может быть, эта буря была предвестницей той стихии, которая разыгралась в недалёком 1917 г., не оставив камня на камне от тысяч православных храмов Святой Руси» [25, с. 38].

Однако наиболее нетерпимой стороной любительской краеведческой методологии является негационизм. Это тот случай, когда краеведение очевидно вступает в конфликт с научным знанием. Наиболее характерными образцами применения этой методологии в отношении региона «Северного трёхречья» являются попытки доказать основание Котласа в 1379 г. на основе «Жития Стефана Пермского» и Вычегодско-Вымской летописи, в которых данный факт не упоминается; а также указание многократно завышенного числа жертв при возведении Котласского железнодорожного моста на основе документов, не имеющих отношения к этому строительству [5, с. 103–110; 26, с. 5–12]. Показательно, что, несмотря на опубликованные научные опровержения [2, с. 126–130; 3, с. 30–36; 24, с. 145–153], авторы представленных измышлений продолжают настаивать на своём [6, с. 18–19; 28, с. 38–39].

Другим примерам «научной самостоятельности» краеведов также

«нести числа». Биармийцы произвольно отождествляются с чудью заволочской или вепсами; феодальная рента — с налогом на землю; происходящие от названий местных деревень фамилии с антропоморфантам «-ский» объявляются польскими [7, с. 269; 11, с. 8, 10, 27]. Используется принцип избирательной невнимательности: например, при рассказе о русско-польских отношениях опускаются факты, в негативном плане характеризующие заграничную сторону [21, с. 50]. Встречается и явная фальсификация: за опубликованные фрагменты карт 1675 и 1792 гг. выдаются более поздние картографические источники, в угоду авторской версии искажается содержание архивного документа [25, с. 19, 171; 27, с. 15]. Почему так происходит: по неумению, незнанию или всё-таки по желанию? Пользуясь известным выражением П.Н. Милюкова: «Глупость или измена?» Но, вне зависимости от побудительных мотивов, такая деятельность способна лишь дискредитировать краеведение, бросая тень в том числе и на добросовестных представителей краеведческого сообщества.

Если же говорить об особенностях исследовательской методики краеведов-любителей, то для неё характерны ошибки на всех этапах работы: от постановки проблемы до формулировки выводов. Постоянно фиксируются нарушения незнакомых краеведам правил и законов формальной логики. Отсылочные сноски оформляются с отступлениями от государственного библиографического стандарта, и определить объект ссылки в ряде случаев становится попросту невозможным. Что может означать, например, «ссылка» после цитаты, даже не помещённая в скобки: «Акты от экон истории»; или что можно узнать об информаторе из упоминания: «рассказывала бабка Анисья» [11, с. 20, 65]?

Краеведы не отличают источники от литературы, дневники от воспоминаний, легенды от фактов, публикуют в своих книгах полные тексты газетных статей и целые тетради чужих воспоминаний, даже не вынося их в приложения [10, с. 211–233, 241–278; 12, с. 159–189]. Отсутствие редактирования приводит к бесконечным повторам информации даже в рамках одного исследования. Критическое отношение к источникам отсутствует, их тексты искажаются при цитировании, прежняя орфография сохраняется или изменяется на усмотрение публикатора. Архивные документы и работы предшественников перепечатываются листами, часто без кавычек и ссылок.

Опасной тенденцией последних лет представляется публикация письменных исторических источников людьми, не имеющими представления об археографической методике: так, в автобиографии Героя Советского

Союза В.И. Щелкунова не всегда верные примечания публикатора (например, аббревиатура «ЗА» расшифрована не как «зенитная артиллерия», а как «заградительные аэростаты») везде обозначены как примечания автора [1, с. 2–11]. Бывает, что неверно атрибутируются изобразительные источники: например, фотография весеннего паводка почему-то именуется «Расстановка судов на зимний отстой» [12, с. 13].

Печальна и наблюдаемая ныне тенденция внедрения краеведческих мифов (пусть даже наряду с верной исторической информацией) в детское сознание [20, 22, 23]. Поспешное вовлечение в краеведческую деятельность молодёжи через публикацию «сырых» и неотредактированных докладов с детско-юношеских краеведческих чтений [4] правильнее назвать не воспитанием нового поколения краеведов, а потаканием и без того вопиющей исторической безграмотности. Более того, встречаются случаи, когда учителя поощряют учеников к плагиату!

Новые возможности по искажению истории предоставила краеведам сеть Интернет. Некритично заимствуемая оттуда информация массово перекочёвывает в краеведческие труды, которые, в свою очередь, тоже размещаются в Интернете, замыкая порочный круг. Гигантский информационный ресурс становится базой для формирования искажённых представлений об исторической реальности, в первую очередь у молодого поколения. Идеи «фолк-хистори» начинают преобладать в общественном сознании.

В соответствии с тематикой исследования здесь сознательно выносятся за скобки безусловные достижения краеведов: выявление новых фактов местной истории, публикация биографий «маленьких», но замечательных людей, изложение ценнейшей информации по истории повседневности. Например, Д.А. Кокорина в одной из своих книг представила биографии колхозников и лесорубов, детально описала технологию валки леса лучковой пилой, ввела в оборот такой уникальный источник, как журнал регистрации извещений о смерти (похоронок) времён Великой Отечественной войны [10, с. 65, 134]. Но эти достоинства зачастую теряются в массиве искажённой, неосмысленной и крайне небрежно обработанной информации. Например, из той же книги можно узнать, как «племенные тёлочки и бычок» в результате неустанного труда колхозной доярки Марфы Замятиной «через год все стали коровами» [10, с. 59]. Разве можно так увековечивать память этой достойнейшей женщины?

Исходя из выше изложенного, значительная часть современной краеведческой литературы, по сути, представляет собой разновидность публицистики. Из этого следует, что профессиональным историкам необходимо с

крайней осторожностью подходить к излагаемой краеведами информации, а в своей исследовательской практике минимизировать ссылки на труды краеведов и обязательно указывать на то, что цитируемое высказывание или упоминаемый факт являются следствием не научных, а краеведческих изысканий. Краеведческие книги и сборники, изданные без научного редактирования, нельзя рассматривать как часть историографии того или иного вопроса; такую публицистику на темы местной истории необходимо относить к литературному краеведению. Цитирование фрагментов источников по краеведческим публикациям с ремаркой «Цит. по» недопустимо: в силу непрофессионализма публикаторов следует оперировать только ссылками на первоисточник.

В настоящее время складывается уже обсуждавшаяся прежде ситуация [17, с. 21–43; 18, с. 345], когда становится уместным отделить локальную историю, как составную часть научно-исторического знания, от краеведения как разновидности художественно-публицистического творчества самодеятельных авторов. Допускаемое ныне смешение этих понятий снижает статус истории как науки и позволяет краеведам-любителям необоснованно претендовать на роль учёных. Но такое положение дел одновременно обязывает профессиональных историков «идти в народ», разъясняя прописные научные истины и обучая краеведов хотя бы азам исследовательской работы в рамках специальных лекционных курсов, регулярных консультаций, публикации необходимой методической литературы.

Самим краеведам также следует систематически заниматься повышением уровня своей исторической грамотности и исследовательской культуры. При этом не надо пытаться поднимать в краеведческих работах задачу «не по плечу», вдаваясь в аналитические суждения. Предпочтительнее создавать труды преимущественно описательного характера, по возможности избегая оценочных характеристик, и обязательно обращаться к научному редактированию и рецензированию. И очень желательно, чтобы краеведы примерили на себя справедливые слова одного из своих коллег (повара по профессии): «Каждый должен заниматься своим делом, только тогда будет порядок в жизни» [11, с. 186].

В заключение необходимо отметить, что применяемая краеведами-любителями антинаучная методология наносит колоссальный урон не только исторической науке, но и самому краеведческому движению. С учётом того, что государство в настоящее время уделяет всё большее внимание изучению истории, наблюдаемые фальсификации и провинциальный «сепаратизм» способны вновь привести к политическому преследованию

краеведческого движения, а это бумерангом ударит и по изучению отечественной истории в целом.

Дабы не допустить развития событий по такому сценарию, научно-историческое сообщество должно не игнорировать назревшую проблему, а «кнутом и пряником», то есть научной критикой и просветительской работой, отстаивать подлинное историческое знание. Следует исключить из употребления не имеющий ясной дефиниции термин «историк-краевед», чётко разграничить сферы деятельности краеведов (сбор и первичная обработка материала) и историков (научное редактирование и анализ), наладить взаимодействие между ними путём постоянного контакта краеведческих обществ и научных учреждений. Желательно создавать на местах базовые учебно-методические центры регионоведения. Лишь тогда методология любительского краеведения будет вытеснена подлинно научной методологией, а краеведение, как мечтал академик Д.С. Лихачёв, станет «самым массовым видом науки» [13, с. 8].

Источники и литература

1. Василий Щелкунов / Сост. Т.А. Серёдкина. Котлас: [Б.и.], 2015.
2. Гладких С.А. К вопросу о числе жертв при строительстве Котласского железнодорожного моста // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып. 4. Котлас: ФГОУ ВПО «СПГУВК», 2010.
3. Гладких С.А. «Новая хронология» котласской истории: опыт критического анализа // Архангельская старина. 2013. №1.
4. Двинские горизонты (исследования молодых летописцев Севера). Вып. 1–7. Котлас: [Б.и.], 2008–2014.
5. Дубровина И.А. Голод и смертность при строительстве железнодорожного моста в Котласе (1942–1943 годы) // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып.3. Котлас: ФГОУ ВПО «СПГУВК», 2008.
6. Дубровина И.[А.] Откуда появились 25 тысяч погибших при строительстве моста // Вечерний Котлас. 2010. 28 мая.
7. Каширина А.С., Казакова Л.А. Святая сила Туровца: новые исторические факты // Двинская земля. Вып.8. Котлас: [Б.и.], 2015.
8. Квасникова Т.М. Комарица — раздолье русское. Котлас: [Б.и.], 2014.
9. Квасникова Т.М. Спасибо бывшему. Котлас: [Б.и.], 2013.
10. Кокорина Д.А. Выйская глубина. Котлас: [Б.и.], 2005.

11. Кокорина Д.А. Малая Пинежка (очерки краеведа). Котлас: [Б.и.], 2001.
12. Кокорина Д.А. Михайков остров. Котлас: [Б.и.], 2006.
13. Лихачёв Д.С. Любить родной край // Отечество: Краеведческий альманах. 1990. Вып. 1.
14. Мелентьева В.В. Жизненный путь архимандрита Модеста. Котлас: [Б.и.], 2012.
15. Мелентьева В.В. Туровец. Святая Русь. Святое место... Котлас: Типография «Цифра», 2009.
16. Михин В.П., Романов В.Б. Воздушная гавань Котласа. Котлас: ГУП «Котласская городская типография», 2008.
17. Никитин А.О. Краеведение между исследованием и мифом // Пятые Яхонтовские чтения. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010.
18. Рыженко В.Г. Этапы и особенности трансформации родиноведения в краеведение в XX — начале XXI в. (региональный аспект) // Шестые всероссийские краеведческие чтения. М.: Издательский центр «Краеведение», 2013.
19. «Северное трёхречье»: летопись десяти лет / Сост. Н.В. Шептяков. Котлас: [Б.и.], 2009.
20. Сергеева Г.Ф. Едем в Котлас: Книга для маленьких котлашан и их родителей. Котлас: [Б.и.], 2009.
21. Сергеева Г.Ф. Котлас и Польша: годы и люди // Двинская земля. Вып. 6. Котлас: [Б.и.], 2010.
22. Сергеева Г.Ф. Наш Котлас: Книга для чтения по краеведению. Котлас: [Б.и.], 2005.
23. Сергеева Г.Ф. О Котласе для маленьких котлашан. М.: Сказочная дорога, 2016.
24. Упадышев Н.В. Динамика численности лагерных заключенных, строивших Северо-Печорскую железнодорожную магистраль в 1941-1945 гг.: домыслы и реальность // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып.5. СПб.: ФБОУ ВПО «СПГУВК», 2012.
25. Хрусталёв А.Н. Достояние веков: Страницы истории Николаевской церкви (1773–1781 гг.) в деревне Комарица Котласского района Архангельской области. Котлас: [Б.и.], 2010.
26. Хрусталёв А.Н. Историческое прошлое Котласского края // Двинская земля. Вып. 6. Котлас: [Б.и.], 2010.
27. Хрусталёв А.[Н.] История Котласа уникальна // Вечерний Котлас. 2011. 22 июля.

28. Хрусталёв А.Н. Котлас с древнейших времён (шестивековая история) // Двинская земля. Вып.7. Котлас: [Б.и.], 2013.

29. Хрусталёв А.Н. Котлас с древнейших времён. Котлас: [Б.и.], 2014.